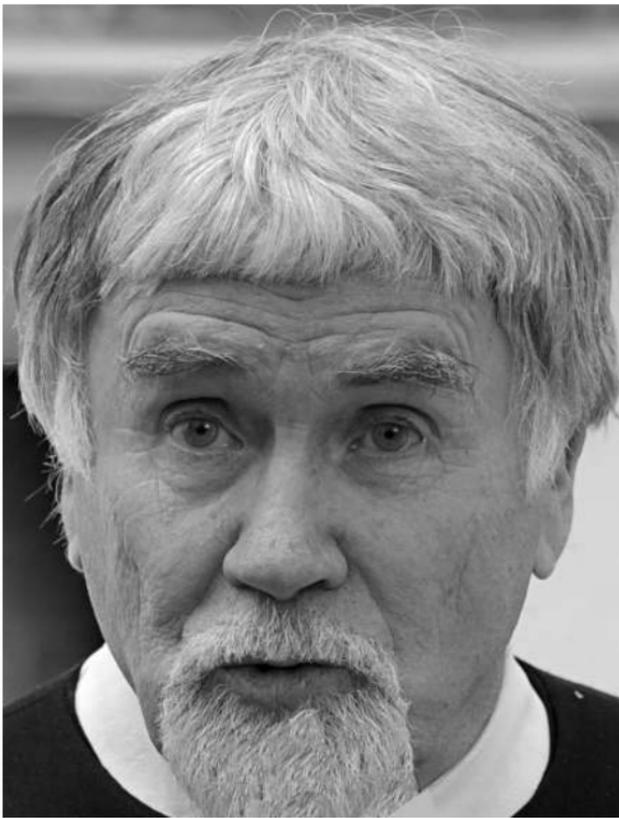

Я встречался с ним совсем немного. В последний год мы часто перезванивались и переписывались. Был в его псковской квартире, которая меня поразила множеством книг, икон, картин и фотографий. Гостиная напомнила музей, наполненный духом чистоты и высокой культуры. Мы с моими пожилыми родителями возвращались из Пушкиногорья в 2012 году, помню, тогда стояла исключительно тёплая зима, а у нас состоялась очень тёплая, сердечная встреча. Я познакомил с Курбатовым своего отца, писателя и переводчика Юрия Михайловича Ключникова, к книге которого «Дом и дым» Валентин Яковлевич написал замечательное предисловие «Домой». На всех нас общение с псковским мастером слова произвело исключительное впечатление. Как мне показалось, они с отцом очень понравились друг другу. Они нашли даже общую зону пересечений в своих судьбах, по поводу чего вместе посмеялись: оба поработали грузчиками, Курбатов на чулочной фабрике и в молодости, а мой отец на хлебозаводе, но уже в зрелом возрасте.

Валентин Яковлевич был действительно человеком необыкновенным.

Главное, что поражало в нём и было заметным — это внутренний свет, который шёл от него и наполнял каждого, с кем он общался. Он как бы излучал ровное тепло, гармонию и любовь, окрашенные мягким своеобразным «курбатовским» юмором. Трудно было даже представить, чтобы он проявил какую-то дисгармоничную ноту или негатив по отношению к кому-либо. При этом он был бойцом и умел отстаивать свои убеждения, с кем бы он ни говорил, невзирая на чины и лица. Он на дух не выносил пошлость в литературе и в жизни, и внутренне противостоял разрушителям страны. Однако он был столь корректным и благородным человеком, что люди противоположных убеждений не говорили о нём плохо. По крайней мере, мне не приходилось встречаться с плохими отзывами о нём. Он общался и дружил с самыми разными людьми, и его близкими друзьями были такие замечательные люди, как Валентин Распутин, Виктор Астафьев, Савелий Ямщиков, Семён Гейченко. Он был вообще необыкновенно коммуникабельным человеком. В его альбоме персональных автографов и высказываний разных литераторов, с которыми он встречался в жизни и мы увидели имена

десятков интереснейших людей нашей страны.

«Адмирал литературы» (так о нём говорили псковские писатели), Курбатов не только прекрасно писал, но был великолепным оратором, «златоустом», как его назвали за речи в ярком фильме Сергея Мирошниченко «Река жизни», посвященном Валентину Распутину. Как украсило фильм присутствие в нём Курбатова! Критик писал о том же Распутине, о Пришвине, об Астафьеве, о Белове, о Нагибине, о Личутине, о Воробьеве,

он умел с внутренним достоинством неспешно размышлять и глубоко проникать в суть вещей и обладал редким даром — точно, ёмко, образно говорить на любую тему, связанную с культурой и оценкой людей. К нему в высшей степени подходила формула французского поэта Поля Элюара «точность человеческого сердца». Говоря о русском писателе, таком, как Курбатов, я считаю вполне уместно вспомнить француза, потому что Курбатов, русский до мозга костей, находил в своём сердце место и для французской литературы, находил

в ней созвучие с русской словесностью. «Не зря мы переглядывались с Францией два века», — написал он в предисловии к уже упоминавшейся книге «Дом и дым».

Он государственно и стратегически мыслил, и всё время думал о возрождении России через русскую литературу. Ему выпала счастливая судьба — развивать наследие главного поэта России Пушкина (по его признанию, он пятьдесят раз участвовал в фестивалях Пушкиногорья) и главного писателя страны Толстого (его работа в жюри премии «Ясная Поляна»). Блестящие статьи и книги Валентина Яковлевича будут воспитывать не одно поколение российских критиков. Добрые, прочувствованные слова о нём сказали многие — Александр Андреевич Проханов, Сергей Александрович Шаргунов, Игорь Александрович Смолькин. Оценка Курбатова со стороны Владимира Ильича Толстого как «лучшего литературного критика современности» абсолютно справедлива. Столь же точны слова нашего президента, назвавшего великого псковитянина «примером просветительства». Может быть, он удивился бы этому определению, потому что воспринимал сам себя, прежде всего, как литературного критика. Как и Вадим Валерьянович Кожинов, который, услышав о себе слова церковного публициста Бориса Спорова, определявшие его как просветителя, сильно удивился этому: «А знаете ли... до вас меня

в печати никто так не называл...» Но тем не менее: он был не просто критиком, но крупнейшим просветителем и краеведом — ведь он прожил в Пскове целых 60 лет. Он был каким-то мистическим хранителем Пскова и находился в контакте с «гением места» (об этом хорошо сказал в своём поминальном слове Александр Андреевич Проханов), а город, чувствуя любовь Курбатова, похоже, платил ему той же монетой. Курбатова знали и любили в Пскове. Когда мы взяли такси на вокзале и назвали адрес, случайный водитель сказал, что знает, к кому мы едем. Его любили и ценили все — и левые, и правые, и патриоты, и культурные либералы. По-другому относиться к нему было невозможно, он был способен энергией своего сердца растопить любой лёд.

Помимо прекрасных текстов за ним было много дел — конкретной помощи конкретным людям. Сколько он написал рецензий, скольких литераторов вывел в люди, сколько литературных судеб он устроил, мы едва ли сосчитаем! Если составить список его добрых дел в культуре (а я верю, что кто-то подведёт такие итоги), наверняка это будет длинный перечень.

Его интересы не ограничивались литературой, он участвовал в жюри большого количества кинофестивалей (не будем забывать, что он пришёл в литературу из мира кино и в своё время закончил факультет

киноведения во ВГИКе). Потому он постоянно и с огромным интересом следил за всем, что делается в мире кино, и был в жюри целого ряда отечественных кинофестивалей, писал высокопрофессиональные рецензии на кинофильмы. Вообще, он был очень живым любознательным человеком, которого интересовало всё. Я почувствовал это по нашей переписке — стоило только написать, что мой отец закончил книгу переводов и переложений индийской поэзии, что в ней есть переложения тамильского эпоса, которые вошли в «Круг чтения» Льва Толстого, он сразу же попросил меня прислать рукопись по электронной почте, как всегда с легкой улыбкой: «Погляжу с особенным любопытством — авось поразвезу своё невежество» и, прочитав, посоветовал мне подарить её яснополянской библиотеке, когда книга выйдет.

Хотя мы говорили обо всём, не скрою и считаю, что было бы неправильно это скрывать, наше общение протекало во многом в связи с темой продвижения творчества моего отца. Курбатов глубоко и искренне восхитился масштабным переводческим проектом отца, видя в нём проявление «всемирной отзывчивости», причем увлёкся стихами настолько, что решил выдвинуть на Госпремию моего отца по совокупности заслуг перед русской литературой. Я помог ему оформить документы. Могу сказать, что этой идеей Курбатов жил с осени: это было его последней во-

лей, последним проектом (по крайней мере, известным мне) в области творчества и литературы, действием, за которое он готов был побороться. Он верил, что это присуждение Госпремии старейшему поэту Сибири не только поможет ему завершить это начинание (дорабатываются ещё две книги), но вернёт нашей литературе большой стиль и даже в какой-то степени поможет государству опереться на истинные ценности в условиях кризиса. Вот небольшие фрагменты из нашей переписки, которую мы вели последние месяцы и которая передаёт неповторимый стиль Курбатова, блестящий даже в частной переписке:

«Спасибо Сергей Юрьевич, получил и Ваши, и книги Юрия Михайловича.

Опять в смятении остановился: как можно было сделать так много? И в таком щедром разнообразии жанров, языков, культур?»

«Я, конечно, готов поддержать представление Юрия Ключникова к Государственной премии. Хоть какая-то польза будет от меня».

«Нужно показать подлинно ошеломляющий горизонт сделанного и естественность разговора о Государственной премии. Заранее знаю, что это было бы, может быть, самое достойное наше русское делание посреди общего безумия».

«Спасибо, Сергей Юрьевич за живой «отчет» о юбилейном вечере Вашего отца. И за кино. Нагляделся. Наслушался. Опять был потрясен светом ума и чистотой мысли. И поэзией, поэзией. Поздравьте Юрия Михайловича с благодарностью и восхищением за то, что он являет нам, молодым (едва вступившим в девятый десяток) старикам пример молодости мысли и послушания Музы».

Продолжая эту тему уже по телефону, он со своей весёлой улыбкой в голосе говорил: «Кого в Европе можно поставить рядом»? Представляете, что я чувствовал, когда читал и слышал это, какая прошибающая до слёз благодарность этому замечательному человеку меня переполняла? И я понимал, что таких добрых дел для самых разных людей Курбатов за жизнь сделал очень много. Он горячо поддержал мою идею продвижения русской классики в формате видеопэзии. Но советовал не обольщаться, рассказав о своей безуспешной попытке в юбилейном 2009 году добиться от телевизионщиков нескольких каналов хотя бы одной минуты чтения стихов Пушкина на экране. Увы, их ответы были — как из известного анекдота про неприятного Господом в рай продюсера: «Не формат».

Почему же ушёл от нас этот замечательный человек-эпоха, глыба, русский титан, не побоюсь громких

слов? Не могу сказать, что он ушел рано, всё-таки 81 год — это весьма почтенный возраст. Валентин Яковлевич не дожил года до возраста его любимого Льва Толстого, для утверждения имени которого в нашей беспамятной России он так много сделал. Он не страдал вредными привычками, регулярно делал зарядку, выходил на улицу, не бедствовал, был востребован и готов к дальнейшей борьбе за русскую культуру. Можно ли сравнить его уход с уходом Вадима Валерьяновича Кожинова, о котором в прощальной речи в церкви на Арбате Петр Васильевич Палиевский сказал, что он погиб? Не берусь делать какие-то выводы, наверное, их должны озвучивать те, кто знал его лучше и работал с ним последнее время. Но всё-таки считаю, что причины ухода такого большого человека калибра Распутина и Белова нужно осмыслить, и потому позволю себе взглянуть на проблему не со стороны медицины (об этом скажут врачи), а с позиции духа и души. Ведь именно фактор духа, как говорил Бахтин, решает, сколько нам отведено и когда взведённый курок судьбы сделает последний выстрел.

Мне кажется, здесь можно говорить о двух причинах. Валентин Яковлевич не привык жаловаться, он был бодрым, энергичным, мужественным человеком, бойцом за культуру. Но он делился своими переживаниями, из которых было видно, что его очень удручает падение уровня

художественной литературы, прозы и поэзии. Он очень любил Ясную Поляну и в жизни («я там всегда восстанавливаю силы»), и в работе, ценил премию как институт, необходимый для страны и для литераторов. Как эксперту премии «Ясная Поляна», ему приходилось читать большое количество присылаемых рукописей. Невозможно было представить, чтобы он написал какую-то рецензию, просто пролистав книгу и выехав на своём высоком профессионализме: как ответственный человек, он прочитывал всё, что требовалось. К сожалению, он буквально отравлялся присланным материалом — по его мнению, на две трети рукописи были либо низкого качества, либо глубоко чуждыми ему по духу. «То, что они пишут, просто отрицает мою основу жизни», — констатировал он с горечью. Но Валентин Яковлевич не сдавался и пытался отделить зёрна от плевел. Он воспринимал своё существование в жюри премии как миссию охранителя от попыток очередного разрушителя русской литературы легализоваться в ней, прикрывшись спасительной премиальной наградой. Слишком дорого для него было имя Льва Николаевича Толстого. Он хотел дать путёвку в литературу настоящим писателям.

Курбатов тосковал о «последней литературе большого стиля» — советской литературе и, прежде всего, по книгам «деревенщиков». Его угнетало то, что современные авторы,

приступая к работе, берут себе в качестве ориентира не русскую классику, а модные, но внутренне пустые американские романы. Больше всего его огорчала ориентация на однодневность, заполняющая умы и души современных писателей. Он поддерживал многие хорошие проекты и многие таланты и, как справедливо написал В. И. Толстой, страдал не только от сердечной недостаточности (это был его реальный медицинский диагноз), но от сердечной избыточности, от щедрого раздаривания себя миру. Но при этом он с болью констатировал, что немалое число даже весьма талантливых молодых литераторов пишут тексты, далёкие от заветов классиков. Конечно, эта нагрузка, привычка брать на себя больше, чем позволяет организм, и боль от понимания, что с литературой происходят серьёзные нелады, подтачивала его сердце.

Другой причиной, разрушавшей Курбатова изнутри, был ковид, или «ковидла», как предпочитал его называть метким народным прозвищем Валентин Яковлевич. Нет, сам он не заболел этой болезнью, Господь его уберёг. И совсем без воздуха наверняка не сидел, Псков всё же не Москва, да и ограничения повсюду последнее время начали снимать. Валентин Яковлевич, насколько я знаю, ходил в церковь на воскресные службы. Ковид убил его по-другому, лишив возможности активно действовать. Состояние русской культуры и до

ковида находилось в кризисном состоянии, и многое хорошее жизнь задвинула на задворки. И когда чиновники из-за перестраховки закрыли и, похоже, невосстановимо, большинство ценных начинаний и проектов в культуре, которые и до этого висели на волоске, перевели их в онлайн и стали заставлять пожилых людей сидеть дома, для него это оказалось невыносимым сценарием жизни. «Я не хочу заниматься культурой в интернете, это противоречит всему моему существу», — ответил он мне, когда я предложил ему помощь в установлении на его домашнем компьютере приложения Zoom, чтобы он мог участвовать в заседаниях многочисленных Советов по культуре, куда он входил.

Курбатов говорил, что его очень угнетает невозможность общаться с людьми, остановка многочисленных начатых проектов, по его мнению часто бессмысленная и основанная на перестраховке со стороны

власть имущих. Беспokoился: «Как вы там в Москве? Дышать ещё не запретили?». Невольно вспоминаешь слова Блока о Пушкине: «Его убило отсутствие воздуха». А Курбатов страстно боролся за этот воздух, за свет и за свободу в её высоком пушкинском смысле. И в какой-то момент этого воздуха ему не хватило...

Скромный в общении, страстный в споре, благородный в своём служении миру псковский праведник отошёл к Господу 6 марта, в родительскую субботу, праздник, связанный с почитанием предков и ценностей рода. Какая это прекрасная смерть: с букетом цветов, который он нёс жене в канун праздника! Теперь он будет помогать России оттуда, с Неба. Вечная память Вам, наш дорогой Валентин Яковлевич! Вы будете всегда для нас высоким примером во всём — и в литературе, и в жизни.

Сергей Ключников
10.03.2021